АМБЕРИЯ

ЛЕГЕНДА

ТАТЬЯНА БЕРДНИК

Татьяна Бердник

Амберия. Легенда

«Автор»
2026

Бердник Т.

Амберия. Легенда / Т. Бердник — «Автор», 2026

Первая книга из 4-х книжного цикла «Амберия».В Амберии люди все еще верят легендам и Судьбам.Юг и Север страны издавна связаны кровью и клятвой – и этот союз до поры кажется нерушимым.Но когда в королевство приходит война, старые предания оживают, а судьба Амберии оказывается в руках людей, чьих имён пока никто не знает за пределами их родного дома.

© Бердник Т., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Пролог 5
Часть I. Амберия. 10
Глава 1. Среди серых камней 10
Глава 2. На юге 17
Глава 3. Кастелян 20
Глава 4. Благородство и подлость 23
Глава 5. Белый Лог 30
Глава 6. Астория 33
Конец ознакомительного фрагмента. 36

Татьяна Бердник
Амберия. Легенда

Пролог

Люди Амберии все еще верили приметам. В отличие от людей Островов по ту сторону Срединного моря, которые давно забыли лики Судеб, амберийцы все еще верили, что все в мире происходит не случайно. И есть лишь одна возможность уловить тонкие намеки высших сил, чтобы попытаться предугадать и, возможно, изменить будущее. Так, они по-прежнему верили, будто высоко летящий на рассвете сокол означает скорую войну, что раннее цветение змеелова предвещает скудный урожай, появление в долинах ушастых черепах бывает к засухе, а роды в проливной дождь сулят младенцу долгую и счастливую жизнь.

Словно еще в утробе зная об этой последней примете, несколько детей в Амберии выбрали самую мрачную грозовую ночь из всех, что помнили старожилы, чтобы появиться на свет.

Первый детский крик раздался в Лебедином Пруде, в доме сэра Поллока, наиболее крупного лорда Приграничья.

Сам хозяин, устав от беспрерывного хождения взад-вперед по залу, прислонился к косяку двери. Весь этот день он провел в окружении своих домочадцев и товарищей, тоже мужчин, но и притом давно уже отцов, сочувственно похлопывающих его по плечу. Они предлагали ему то поесть, то выпить, то сыграть во что-нибудь, а во взглядах меж собой не могли удержаться от улыбки. Так порою взрослые поглядывают на детей, снисходительные в своем опыте, повидавшие немало и знающие больше неразумных отпрысков.

Лорд Поллок и в самом деле сейчас напоминал ребенка. Он был растерян: ему предлагали поесть, он тут же забывал о наполненной тарелке; на самые простые вопросы он отвечал невпопад или вовсе молчал, переводя непонимающий взгляд с одного на другого; от игр и прогулок он отмахивался с таким видом, как будто этими предложениями ему нанесли чудовищное оскорбление. Поллок никак не мог понять, отчего его не пускают к жене. Все вокруг что-то говорили о приличиях и священном таинстве, совершающемся сейчас в одной из спален наверху. Поллок же никак не мог уразуметь, отчего это еще вчера видеть жену ему было прилично, а сегодня уже нет. Разве сегодня она перестала быть его Миртой, леди Лебединого Пруда, его возлюбленной супругой, и стала кем-то другим? Он отдал бы сейчас полжизни за то, чтобы ласково сжать ее тонкую руку, а ему не позволяли заглянуть и в замочную скважину.

А, между тем, пытка эта продолжалась не час, и не два, а без малого половину суток.

Самое большее, что пугало – это то, что она не кричала. Из рассказов знающих людей он уяснил, будто женщины в родах непременно кричат, и отчего-то решил, что чем сильнее будет это крик, тем благополучнее разрешится дело. Но Мирта упрямо молчала, словно бы нарочно решила окончательно свести его с ума. Пару раз выходившая от нее повитуха улыбалась спокойной улыбкой, повергавшей Поллока в бешенство, и утверждала, что все в порядке, его леди большая молодец, и скоро все кончится.

Все и правда закончилось. Криков Мирты он так и не услыхал, зато замер, когда внезапно и остро раздался писк другого, незнакомого ему существа. Он обернулся к товарищам в недоумении, и они тотчас же с веселыми улыбками принялись поздравлять его.

Поздравлять? С чем? С тем, что эти мучения наконец закончились? С тем, что его леди не умерла, чего он боялся больше всего на свете?

Несколькими минутами позже повитуха вынесла на руках маленький белый сверток и передала его лорду Поллоку. Сверток странно и незнакомо пах, шевелился, сопел, и из него выглядывало сморщенное желтовато-розовое личико.

– Поздравляю, сэр у вас дочь.

Дочь… Незнакомое, волнующее слово. Когда прежде ему говорили о будущем сыне или дочери, он представлял себе веселого пухлого ребенка, со счастливым смехом носящегося по коридорам Лебединого Пруда.

Разве это странное существо сможет когда-нибудь стать этим ребенком?

Старуха засмеялась, будто прочитав его мысли, и сказала:

– Можете ненадолго зайти к леди. Только не утомляйте ее, она очень устала.

Мирта менее всего походила на уставшую. Правда, она лежала в постели, переодетая в новую, незнакомую ему, рубашку с широким воротом на завязках. Увидав ворот, он внезапно вспомнил эту вышивку: Мирта трудилась над ней последние две недели, когда приданое для малыша было уже полностью готово. И вот теперь эти сиреневые и розовые цветочки особенно четко оттеняли бледность ее щек.

Одной рукой закалывая свои длинные спутанные волосы, другой она указывала на что-то служанкам, одновременно давая поручения. Лорд Поллок слышал ее слова, но не понимал их: кроватка, чепчик, пеленка… Еще минуту назад готовый в беспамятстве броситься к жене, теперь же он застыл в нерешительности на пороге, словно ему не было места в этой новой жизни.

Увидев его, Мирта осеклась, покраснела и с улыбкой похлопала ладонью по краешку постели. Он подошел, сел рядом с нею и поцеловал ее теплую руку.

– Как ты, милая?

– Все хорошо, - не переставая улыбаться, отвечала она, ласково проводя по его щеке. – Ты видел ее? Правда, она прелесть? Скажи же, что полюбишь ее, хоть это и не мальчик, – с тревогой допрашивала она, не давая ему собраться с мыслями.

Сперва он и не понял, о чем она говорит, а потом вспыхнул и с жаром стал уверять – для него неважно, мальчик или девочка, главное, что она и ребенок живы-здоровы.

– Я рожу тебе сыновей, – радостно пообещала она. – Обязательно.

Он хотел было что-то возразить, возможно, что не позволит ей еще раз пройти через все эти муки (и себе тоже не позволит), но, глядя в ее торжествующие и смеющиеся глаза, бесконечно счастливые и наполненные каким-то новым внутренним светом, вдруг понял: она правда больше не была просто его супругой. Леди Мирта стала матерью.

Другим младенцем, озарившим ночь своим криком, был королевский бастард с юга.

Мать его, родившая в самом дальнем чулане замка и едва пришедшая в себя, со слезами обращалась к Его Величеству королю Ордуру Валентайлу, который сидел в углу комнатушки и казался сейчас не королем, а просто безмерно уставшим и состарившимся раньше времени мужчиной:

– Ваше Величество, позвольте, позвольте нам остаться. Клянусь, королева никогда не узнает…

Его Величество грустно улыбнулся и презрительно сказал:

– Ты напрасно думаешь, Розелла, будто от Элеонор можно что-то утаить.

Он старался не смотреть в эти умоляющие голубые глаза, которые он так любил, поэтому перевел взгляд на сверток, в котором лежал младенец. У мальчика были такие же пронзительно голубые глаза, как и у его бедной матери, рискнувшей полюбить и быть любимой, но цвет глаз наверняка изменится со временем, а вот каково будет жить королевскому бастарду в этом жестоком мире, оставалось лишь догадываться. В душе проклиная себя за неосмотрительность, Его Величество, тем не менее, не мог не признать, что этот ребенок был зачат в любви, и он уж точно не виноват в том, что появился на свет. Ему придется непросто…но его отец может хотя бы попытаться смягчить участь своего первенца, которому никогда не стать правителем.

– Вы останетесь в Чертоге, – принял, наконец, решение король. – В конце концов, пока еще я правлю Амберией.

Север тоже не остался в ту ночь без наследников.

В двух известных семьях – правителя Севера короля Этура Валентайла и сэра Далластера, крупнейшего лорда гор – родились мальчики. И, так как первенцы в семьях уже были, и им была уготована судьба: одному править, а другому быть лордом-хозяином, – то участь младших решилась сама собой. Их отцы, не сговариваясь, решили по мере взросления отправить своих сыновей в местечко под названием Лорренвилль, обучаться воинскому искусству.

В это же самое время далеко на востоке, в странном зале, каменные своды которого уходили, казалось, под самые небеса, однако при этом всякого входящего не оставляло ощущение тесноты, стояли двое. Одежда их не напоминала ни крепкие доспехи северян, ни элегантные костюмы лордов Приграничья, ни уж тем более тонкие платья южан. И вовсе невозможно было узнать, что это за одежда. То ли плащи, то ли балахоны, то ли туники темно-серого цвета ниспадали до самого пола, скрывая под собою тела неизвестных.

Можно было с точностью сказать лишь, что это мужчины. Возраст каждого не поддавался разгадке, однако один из них был явно моложе. Он стоял, уставившись в узкое окно-бойницу и задумавшись о чем-то. Тот, что старше, склонился над стоявшим на возвышении чаном и напряженно всматривался в глубь воды, наполнявшей сосуд. Вода тоже была необычная, и всякий, кто рискнул бы заглянуть в нее, был бы сразу же лишен ощущения реальности: сплошь покрытая рябью, она переливалась, играла, становясь то мутной, то вновь кристально-прозрачной, по временам на ее поверхности появлялся какой-то туманный узор, словно бы чья-то

неловкая рука плеснула туда чернилами, однако и узор этот был непостоянен: едва появившиеся очертания тотчас же смывались, заставляя задуматься, были ли они вообще.

Очевидно, старший из двух все же что-то разглядел в сосуде, ибо вдруг выпрямился и, напряженно глядя на младшего, коротко сказал:

– Нет.

Тот в ответ едва заметно кивнул и чуть приподнял подбородок – одна из тех привычек, которые делают индивидуальность человека заметнее. Ни тени не пробежало по его бледному лицу, однако старший, словно что-то почувствовавший, внезапно добавил:

– Не время. Будет кто-то другой. Другая.

– Женщина? – безразличным голосом уточнил младший.

– Женщина. Непременно женщина.

Часть I. Амберия.

Глава 1. Среди серых камней

Северн Далластер сидел на большом камне, свесив ноги в ров. Внизу мирно плескалась холодная вода, сильные порывы ветра то и дело прогоняли по поверхности рябь. За рвом, прямо перед его глазами, возвышалась серая стена Каменной Гряды, испещренная столетними следами, оставленными ветром, дождями и солнцем, но мальчик не поднимал головы и не глядел на родной замок. Он был занят. В руках Северна был нож, которым он пытался вырезать из ивовой ветви что-то, формой отдаленно напоминающее стрелу. Получалось плохо, грубо, некрасиво, и Северн раздраженно сопел, но не бросал своей работы.

Было холодно, но валуны за день успели прогреться от солнца, и сидеть на них было приятно. Так же, как и строить планы. В планах Северна была рыбалка, на которую, быть может, завтра его возьмут отцовские лучники. По крайней мере, намедни сэр Ларсон обещал ему это в честь завтрашних именин. Северну исполнялось десять. Хорошо, если бы сэр Ларсон и другие пошли к Ведьминому ручью. Говорили, когда-то давно, еще во времена Рогана Великого, там и вправду жила настоящая ведьма, отчего местечко и получило свое пугающее название. Вопреки убеждениям большинства горцев, Северн считал себя разумным человеком и не верил старинным преданиям о колдунах и прочей чепухе, а вот форель там ловилась отменная, и как приятно было бы вернуться домой с парой-тройкой рыбин, войти в кухню и так небрежно выложить улов прямо на середину стола… Должен же он, Северн Далластер, быть годным хоть на что-нибудь, если уж вырезать эту чертову стрелу из куска деревяшки ему, видно, не под силу!

– Сэр Северн! – раздался вдруг голос где-то над ним. – Сэр Северн, вы тут?

Мальчик вздохнул. Так всегда. От нее нигде не спрячешься. И почему его нельзя оставить в покое? На какое-то мгновение Северн испытал искушение промолчать и пригнуться ниже к камням. Тогда его не заметят, быть может. Но нет, это будет еще хуже, потому что отец непременно отправит на поиски целый отряд. И будет очень-очень недоволен. Поэтому Севере все-таки неохотно поднялся с облюбованного места, тем самым выдавая свое присутствие. Тут же на пригорок, тяжело дыша, взобралась Ида, одна из служанок.

– Ох, Судьбы, я уж не так молода, чтоб бегать за вами. Хорошо, сэр Ларсон сказал, где вас искать.

Несмотря на то, что Ида действительно была уже немолода, Северн не испытал ни малейшего угрызения совести, он лишь чувствовал досаду на то, что его приятное одиночество так грубо нарушили.

– Что-то случилось? – угрюмо спросил он.

– Случилось, случилось… Батюшка ваш требует вас немедля. Он так и сказал: быстро, говорит, приведи мне его.

– Ясно, – Северн спрятал свою работу под камень и стал взбираться на холм, слушая недовольное ворчание Иды.

– Бегаешь за ними, бегаешь, а чего дома-то не сидится, о Судьбы…

Северн только невесело ухмыльнулся.

Они спустились с холма, поросшего мягкой невысокой травой, прошли по широкому мосту через ров прямо в открытые ворота крепости и оказались на просторном дворе, по которому то и дело сновали люди: слуги, воины, стражники. Со стороны кузницы доносились звонкие удары металла о металл. Служанки связывали колосья в снопы и укладывали их в повозку, чтобы везти на мельницу. Пара стражников у самых ворот чистили оружие. Где-то

ржали лошади. Перекрикивались слуги. Мирные, знакомые, хорошие звуки, к которым Северн привык и едва ли замечал их. У каждого в крепости была своя забота, и каждый хотел угодить хозяину, потому что все знали: сэр Далластер не любил лентяев.

– Ну, идите, – войдя в замок, уже совсем по-доброму сказала ему Ида, указывая на лестницу наверх. – Батюшка ваш у себя. Давайте, давайте, поторопитесь, он не любит ждать, знаете же.

Вздохнув, мальчик отправился в Восточную башню. Северн не любил бывать в этой части замка. Там жил его отец, которого он редко видел, еще реже разговаривал с ним, и потому откровенно его побаивался.

Мальчик помедлил немного у самой двери, словно набираясь решимости, как вдруг эта дверь распахнулась сама, и из отцовских покоев вышел Дэйд. Он был старше почти на пять лет, но уже сейчас Северн возвышался над старшим братом едва ли не на полголовы. Кривая ухмылка скользнула по лицу Дэйда, будто ему было известно что-то, что определенно не понравится Северну, однако юноша предпочел промолчать и, боязливо обогнув мальчика, двинулся вниз по лестнице. Только миновав с пяток ступеней, он решился обернуться и ехидно произнести:

– Опять удрал из дома? Вот, гляди, скажу отцу! – и, словно боясь реакции младшего брата, Дэйд стремительно сбежал дальше вниз.

Северн проводил его хмурым взглядом и, сделав над собой усилие, постучал в дверь.

– Войди, – отрывисто прозвучало из комнаты.

И Северн вошел. У отца всегда было темно и немного пахло плесенью, словно в глухой лесной чащобе. Мрачная комната, поделенная на две части. В одной сэр Далластер спал, в другой, ближе к двери, стоял массивный стол и стул. Стулья для посетителей были не предусмотрены. Что и говорить, Северн не любил бывать тут, да и лорд Далластер нечасто призывал его.

Отец стоял, уперев ладони в стол и глядя на младшего сына из-под кустистых бровей. Это был массивный, кряжистый человек с рано поседевшими волосами и бородой. Когда-то он слыл хорошим воином, сильным и стремительным, но с годами отяжелел, почти перестал ездить верхом и покидал пределы своего замка только по крайней нужде.

Слуги шептались, что хоть их хозяин высок и по-прежнему могуч, но Северн скоро перерастет и его. Мальчик застыл на пороге, забыв прикрыть за собою дверь и словно не чувствуя сквозняка, холодной струйкой пробегавшего по спине. Если отец звал его, да притом немедля, это редко кончалось добром. Северн судорожно пытался вспомнить свои последние прегрешения. Их было не так много, и главным, пожалуй, оставалось его упрямое нежелание проводить свои дни за стенами Каменной Гряды, но ведь отец никогда открыто и не запрещал ему гулять где вздумается….

– Тебе исполняется десять, – голос отца вмиг прогнал вихрь мыслей, крутящийся в голове Северна. Мальчик невольно поежился.

– Да, сэр.

– Это значит, пришло время учиться.

Северн застыл. Он с раннего детства знал, что ему придется покинуть дом и уехать обучаться военному искусству, но…

– Ты выезжаешь завтра, – слова отца прозвучали приговором.

Северн почувствовал, как сердце комком стучится где-то в горле.

– Завтра? – выдавил из себя мальчик.

Каждое слово в беседе с отцом давалось ему невероятно тяжело.

Лорд Далластер нахмурился.

– Ты плохо слышишь?

– Нет, сэр, – Северн поспешил оправдаться.

– Хорошо. Ступай уложи вещи. Да много не бери, там тебя обеспечат всем необходимым.

– Да, сэр.

Северн считал ступени, поднимаясь к себе в комнату. Четыре, пять… Он едет уже завтра! Шесть… Это не укладывалось в голове. Как он сможет покинуть дом, забыть о этих лесах и ручье, о рыбалке, о всем близком, что наполняло его жизнь… Семь, восемь… Неужели нет никого, кто заступится за него? Но сэр Ларсон, как и все другие, предан отцу. Матушка… Он нечасто видел ее, а когда встречал в замке, она казалась лишь тенью, бесплотным существом, посвятившим себя заботам о маленькой сестрёнке Северна – девочки сэра Далластера не интересовали, в воспитание дочери он не вмешивался, оставив это немногое жене. Девять, десять… Иногда Северн чувствовал себя сиротой. Одиннадцать, двенадцать… Пятнадцать. Когда он вернется сюда в следующий раз, эти ступени больше не будут казаться ему такими высокими.

Карета увезла Северна из Каменной Гряды на рассвете. Среди немногих его вещей в мешке поместились две книги, которые он тайком прихватил с собой: «Хроники Рогана Великого» и «Сказания древнего народа гор». Впрочем, Северн был убежден, что их все равно никто не хватится. Он не помнил, чтобы брат или отец когда-нибудь посвящали своё время чтению. Сестренку и мать он так и не увидел – лишь неясным то ли воспоминанием, то ли сном остался влажный след на лбу от поцелуя да сбивчивый шепот: «Храни тебя Судьбы!»

Лорренвилль был расположен у самого Приграничья. Говорили, когда-то давно существовала лишь южная часть Амберии. Южане медленно продвигались все дальше и дальше, осваивая плодородные земли и возводя свои дома, пока не уперлись в гористый край. Они остановились на местности, в дальнейшем получившей название Приграничье, однако вскоре набеги горцев – полудиких племен – заставили жителей обратиться в Чертог, к своему королю, за помощью.

И тогда началась война. Она была долгой и выматывающей, потому что дикари не выходили из своих пещер, им не нужен был юг, они боялись только, что их начнут вытеснять с гор, пока не прогонят дальше, в бесплодные каменные края, где не будет никакой надежды выжить им, их детям и детям их детей. Это было трудное, смутное время. Свидетельства об этом сохранило немало летописей, но еще больше – людских преданий, что передаются из уст в уста, обрастая всевозможными деталями, порой совершенно волшебными, и никогда не бывают записаны на бумаге. Горцы учились – медленно, но неуклонно – учились вести войну, учились тактике и стратегии, а свирепости духа и физической силы им и так хватало. Амберийцы бежали с Приграничья целыми семьями, не вынеся постоянного страха быть однажды зарезанными ночью в собственных постелях или сожженными вместе со своими домами. Дикари уводили с собой скот и пленников, особенно женщин и детей. И вскоре приграничная полоса стала зоной отчуждения.

Все закончилось, когда король Амберии Селион смог договориться с предводителем горцев Роганом. Это было нелегко, и никто не знает, как миролюбивый и сдержанный Селион, прозванный в народе Добрым, смог отыскать в себе силы отправиться на переговоры в самое сердце гор. Но, так или иначе, это случилось. В знак примирения он отдал Рогану в жены свою дочь Делию, признав за горами право быть полноправной частью королевства, с мнением которой король будет считаться. После рождения северного наследника был принят закон: севером и югом должны править кровные родственники, а при коронации каждый из двух правителей клянется в преданности другому – таким образом хотели избежать новых войн. Так горы Севера тоже стали Амберией, а люди Приграничья, те, что рискнули остаться там, наконец вздохнули спокойно. В дальнейшем Роган с семьей спустился с гор, чтобы занять прилегающую территорию, и возвел там замок Нордтэк, ставший резиденцией всех последующих правителей Севера. Чертог – королевский замок на юге – оброс деревнями, и так появился город Эмбер. Там же, на юге, амберийцы скоро основали города Табрию и Манкор. Крупные селения Фарпорт и Санрайс разрастались также и на востоке, где люди расселились до самого Средин-

ного моря. На запад продвинуться оказалось сложнее: поселенцы дошли до полосы болот и не смогли пересечь ее. Там был основан Белый Лог – замок одного из старейших амберийских родов – и он оказался ровно на середине пути от Нордтэка до Эмбера, как и более западный Лебединый Пруд, рядом с которым был Лорренвилль – селение-лагерь для обучения воинов. Чуть севернее Белого Лога выросли Хорс и Ганнесбург, последний из которых скоро сплотил вокруг себя мелкие деревушки и стал крупнейшим селением запада. Наиболее же отдаленным местом Амберии являлся самый северный замок – владение рода Далластеров под названием Каменная Гряда.

Одним Судьбам известно, каково Делии было жить на севере, вдали от родных мест, в замке, больше напоминающем пещеру. Слухи ходили разные: кто-то говорил, что молодая королева Севера чахнет в тоске, и единственной ее отрадой стал маленький сын, рожденный спустя год после свадьбы с дикарем-горцем. Другие же утверждали, что Делия обрела настоящее семейное счастье, о каком только может мечтать женщина в неспокойные времена. Те, кто видел Северного короля, утверждали, что он не даст в обиду ни свой народ, ни свою семью, да и не такой уж он дикарь, каким слывет. При этом ходили совершенно противоположные слухи о его свирепом нраве и нелюдимости, что свойственна всем горцам, подозрительно относящимся к чужакам и сторонящимся открытых мест.

Как бы то ни было, Роган был поистине легендарной личностью. Колоссального роста, с пронзительным взглядом синих глаз, он наводил на противника страх порою одним своим появлением. Легенды гласили, будто лошади шарахались от него в сторону, боясь, что он может сломать им хребет, и тогда Роган оседлал медведя. Делия была под стать мужу: высокого роста, гибкая, как молодая осина, она обладала выносливостью, позволившей ей не только прижиться на севере, но и родить супругу, помимо первенца, еще троих дочерей. Имена их давно развеял ветер, ибо никакими значимыми деяниями никто из отпрысков Рогана не прославился, однако от него идет род северных королей, и его статуя стоит прямо посередине площади в Лорренвилле.

Первое, что подумал Северн, когда карета привезла его в Лорренвилль: в этом месте слишком много серого цвета. Серые камни, устилающие мостовую. Серый цвет стен низких домов. Серые холмы на горизонте. Серое небо над головой. Серые одежды и лица людей…

К серому цвету он привык и дома, но там он то и дело перемежался с бархатно-зеленым или сизо-голубым, когда туман медленно сползал с гор, покрытых хвойными великанами. Здесь же нос его противно щекотала пыль, а из зелени были разве что покрашенные зеленой краской двери, ведущие то ли в амбар, то ли в дом.

Первым, кто встретил вновь прибывшего для обучения мальчика, был кастелян Лорренвилля, сэр Гудвок.

– Ну куда, куда?! – донесся до Северна недовольный старческий голос, и потом карету хорошенько тряхнуло. – Не видишь, что ли, яма! – эти слова были адресованы, конечно же, кучеру.

Северн выглянул из окошка и уперся взглядом в серый плащ, отороченный выцветшим мехом рыси.

– Вылезай оттуда, – ворчливо и немного насмешливо произнес все тот же голос. – Приехали, молодой лорд.

Северн поспешно выпрыгнул из кареты и огляделся.

Говоривший оказался не совсем древним стариком, как можно было подумать по его голосу. Смешливые маленькие глаза-щелочки прятались под мохнатыми белыми бровями, волосы, тоже почти все седые, были давно не стрижены, но подбородок чисто выбрит, открывая ямочку точно посередине. Знак благоволения Судеб, как говаривала Ида. Облаченный в какое-то странное длинное одеяние, он казался ниже своего роста. Бросались в глаза плотные

черные перчатки, которые, несмотря на теплую погоду, были на руках старика. Но его поясе висела внушительная связка ключей.

– Лорд Далластер, не так ли?

Северн кивнул.

– Добрая карета, – проговорил старик. – Но тебе она тут ни к чему. У нас здесь все попроще.

– Отец послал карету, чтобы она довезла меня до этого места и вернулась в замок.

– Ну разумеется, – старик кивнул кучеру. – Можешь ехать, милейший. Молодой лорд теперь под моей ответственностью.

Северн подхватил мешок со своими вещами, и они пошли куда-то вдоль серой пустынной улицы, на которой изредка появлялись хмурые мужчины разных возрастов, идущие по своим делам. Они не обращали на Северна ни малейшего внимания. Старик вдруг спросил:

– Немного у тебя вещей, а?

– Отец приказал не брать лишнего.

– Это он правильно, – согласился кастелян. – Мы тут гордимся не барахлом.

Они прошагали еще с десяток шагов, как вдруг сэр Гудвок спросил чуть насмешливо:

– Ну что, не очень-то тебе по душе здесь?

– Отец желает, чтобы я стал воином.

– Это хороший ответ, да только не на мой вопрос, – засмеялся старик, а потом серьезно добавил:

– Ничего, привыкнешь. У нас тут не так плохо, как может сперва показаться. Я служу здесь кастеляном уже без малого сорок лет. Мое имя Петер Гудвок. Идем.

По дороге сэр Гудвок то и дело отпускал какие-нибудь замечания.

– Это прачечные. Мы не держим здесь женщин, потому свою одежду тебе придется стирать самому. Справа конюшни. Но ты, верно, уже догадался об этом. Сейчас мы пройдем через площадь, а там и до Дома недалеко.

Дорога, правда, как-то резко разошлась в стороны, открыв большую площадь, вымощенную серыми камнями. Глазу Северна не за что было зацепиться на ней, пока нечто колоссальное в самом центре не привлекло его внимание. Это была статуя. Не менее двух метров в высоту, она изображала мужчину в северной одежде с медвежьей шкурой на плече: оскаленная пасть зверя лежала на предплечье великана. Мужчина был воином – в одной руке он держал пику, второй сжимал меч. Суровое лицо его было серьезно и спокойно, глубокие морщины бороздили лоб, длинные волосы, собранные в хвост, лежали на плече. Скульптор постарался на славу, выбив каждый шрам на этом лице. Величием и силой веяло от каменной фигуры, выполненной с таким мастерством, что, кажется, зазвучи рог тревоги, как могучий воин тут же встрепенется и сдвинется с места, чтобы сразиться с врагами.

– Это же Роган, – благоговейно прошептал Северн. – Роган Великий.

– Да. Он самый.

Они подошли ближе. Северн, словно зачарованный, уставился на лик древнего героя.

– Впечатлен? – добродушно засмеялся кастелян. – Все бывают впечатлены, когда увидят его в первый раз. Поговаривают, славный род Далластеров идет от него.

– Я знаю, – тихо сказал Северн, а потом спросил:

– Он правда был таким…огромным?

– Статуя сделана в натуральную величину. Он правда был таким. И у тебя мой мальчик, есть все шансы стать. Но гораздо важнее роста и физической силы был его острый ум. Да, не гляди на меня так, молодой лорд. Кое-кто говорит, что люди гор темны и неразвиты, и отчасти это так. Но не он, – кастелян кивнул на статую. – Глупца не прозвали бы Великим, правда? Он знал, что скорость мысли в бою часто будет поважнее скорости удара. А иногда это

единственное, что может спасти тебе жизнь. Ну довольно любоваться, теперь идем, я покажу тебе твое место в Доме.

Северн подумал, что это помещение, куда в конце концов привел его кастелян, меньше всего напоминает дом. Большая трапезная, пол которой устилала солома, с грубо, но надежно сколоченными скамьями и столами переходила в длинный коридор, направо и налево из которого были двери в комнаты. Коридор был почти темен: лишь маленькое подслеповатое окошко в самом конце его давало немного света. Сэр Гудвок толкнул одну из первых дверей, и взору Северна предстала небольшая комната, сплошь уставленная кроватями. У единственного окна, которое было лишь чуть больше того, что в коридоре, стоял стол со стулом.

– Это если надобно будет письмо написать, – кивнул на него сэр Гудвок. – Но, сколько я тут служу, письма пишут редко…а получают еще реже. В остальном здесь вполне удобно. В каждой спальне по десять человек. Ты как раз десятый. С остальными познакомишься на обеде, когда они вернутся с тренировки. Не к такому ты привык, верно? Ну ничего. В тесноте, да не в обиде. Клади свой мешок сюда, – кастелян указал на крайнюю кровать, уже застеленную чьей-то заботливой рукой, и усмехнулся. – Как видишь, мы тебя ждали.

Обед оглушил Северна. Он впервые видел столько людей вместе в одном помещении. Разного возраста, роста, цвета волос. Пожалуй, разве что серая одежда да коротко остриженные волосы – вот что делало их похожими друг на друга. Северн невольно провел рукой по своим волосам.

Все это людское море шумело, стучало и раздражало Северна, привыкшего к тишине гор. Он с тоской подумал о том, как сможет свыкнуться с такой жизнью, как вообще можно что-то делать в окружении толпы...

Гомон прекратился только тогда, когда слуги вынесли большие чаны с похлебкой и начали разливать ее по чашкам. Устроившись с краю стола рядом с каким-то рыжим вихрастым пареньком, Северн опасливо заглянул в свою чашку и с удивлением обнаружил там большие куски мяса.

– Кормят ничего, верно? – тут же подмигнул ему рыжий, словно ощутив его удивление. – Они говорят, воину надо хорошо есть.

Северн промолчал, но в душе согласился с товарищем.

Рыжий, которого звали Якоб, оказался в одной комнате с ним. Этот малый не был особенно крепок или силен, скорее, худ, но высок и ловок, да при том на пару лет старше всех остальных. Неудивительно, что он считал себя главным. Северн не стал оспаривать это его право, но конфликт все же случился между ними в первый же вечер, когда Якобу, проходящему мимо, вдруг вздумалось небрежным жестом сбросить покрывало Северна на пол. Северн молча перехватил его руку и сжал так, что Якоб едва не взвыл. Он попытался сохранить лицо и перевести все в шутку, однако больше Северна не трогал.

Потянулись бесконечные одинаковые дни, наполненные военной муштрой, которая заключалась в изучении тактики и стратегии боя. Эти премудрости доносил до них высокий человек средних лет, в волосах и бороде которого уже ощутимо пробивалась борода, сохранивший в облике благородство, выдававшего в нем рыцаря знатного рода. Он предпочитал не говорить никому своего настоящего имени, и воспитанники Лорренвилля знали его как Лорда. «Сэр Лорд, – говорили они, желая обратиться к нему. – А правда ли, что бой клином придумал сам Роган Великий? Расскажите о его подвигах». Но Лорд бросал на них немного презрительный взгляд умных глаз и продолжал методично повторять то, что они и так, казалось, слышали уже много раз.

Северн откровенно тосковал. Он и не помышлял, что быть воином так скучно. Все чаще он делал вид, что слушает, а сам глядел прямо перед собой, стараясь воспроизвести в памяти

снежные вершины гор и шершавые стены Каменной Гряды. Но с каждым днем это становилось все сложнее.

Он оживлялся только на охоте да на занятиях с сэром Лундом, самым лучшим мечником из тех, что он видел. Это было Северну по душе по-настоящему – ощущать меч продолжением собственной руки, делать выпады, скользящие и разящие удары, пусть меч и тренировочный, пусть рубит он чучела, но всё же, всё же…

Скоро выпал снег, и к обязанностям воспитанников добавилась уборка Лорренвилля. Северн сгребал снег со статуи Рогана и благоговейно проводил рукой по камню. Едва ли это великий воин проводил свое время с метлой. О его подвигах говорили много лет спустя его смерти, и одно это было для Северна мечтой, недостижимой и потому особенно пленительной. Решение отца отправить его в Лорренвилль Северн в душе даже поддерживал, по большей части потому, что видел в этом возможность стать кем-то большим, нежели вторым сыном лорда. Кем-то, о ком потом, возможно, тоже сложат легенду…

Глава 2. На юге

Родерик сидел на крепкой ветви раскидистого дуба около беседки, в руках у него было надкушенное яблоко, и хоть поздний плод был спел и сладок, но мальчик словно забыл о нем: его вниманием полностью завладела сцена, разворачивающаяся прямо под ним. Там сэр Мельбор, тучный и глуповатый, никогда не умеющий связать и пары слов, пытался объясниться с хорошенькой леди Элиссон, фрейлиной Ее Величества королевы Элеонор. Наблюдая за его словесными потугами, пока что почти бесплодными, Родерик задался вопросом, как сэру Мельбору удалось вообще выманить свою пассию к беседке. Наверняка он послал ей записку, написанную чужой рукой. Леди Элиссон смотрела на своего кавалера с плохо скрываемой жалостью, и ее кажущаяся легкой улыбка была, верно, отрепетирована перед зеркалом со всей тщательностью. Это вообще было отличительной чертой всех фрейлин – делать все тщательно. Королева Элеонор имела обыкновение обращать внимание на любую мелочь.

Родерик едва не подавился откушенным куском яблока, когда сэр внизу разродился весьма сомнительным комплиментом, имеющим в своей основе сравнение глаз дамы с рыбьей чешуей (вероятно, Мельбурн был заядлым рыболовом), но все обошлось, и даже леди Элиссон отреагировала весьма благосклонно. Родерик не в первый раз задался вопросом, отчего она не прогонит его взашей, и тут же сам себе на него ответил: одна булавка сэра Мельбора стоила больше всего наряда мисс Элиссон с нею самою в придачу. Он давно уже усвоил, что в этом мире важны лишь деньги и власть. И для того, кто не имеет первого, иметь второе становится жизненно необходимым.

К несчастью незадачливого ухажера и его дамы сердца, неподалеку послышался голос Ее Величества, в котором явственно сквозили нотки недовольства, и голубков как ветром сдуло. Королева Элеонор не торопилась выдавать своих фрейлин замуж, предпочитая, чтобы они вились вокруг нее своей пестрой толпой и развлекали днями напролет.

Родерик, лишенный своего, довольно-таки пикантного, развлечения, разочарованно вздохнул, сунул яблоко в карман и, легко подтянувшись на руках, перебросил свое гибкое длинное тело через ветвь, прыгая на землю мягко и грациозно, подобно кошке. Он едва не свалился под ноги самой Элеонор. Двое придворных, что шли рядом с нею, вздрогнули, а один из них даже вскрикнул от испуга, королева же только холодно, но цепко глянула на него. Родерик тут же проворно и весьма галантно для десятилетнего мальчика изобразил поклон, и следующие пару минут видел лишь удаляющийся подол королевского платья. Как только важные особы скрылись за беседкой, мальчишка рванул к Крепостце, надеясь там все же доесть свое яблоко в одиночестве.

Крепостцой называли высокую стену, полукругом закрывавшую Чертог с востока, юга и запада, отгораживая, таким образом, королевскую обитель от Эмбера. С Крепостцы открывался великолепный вид на сам город с его пышными садами и ровными улицами, на которых были построены добротные дома – вся эта поистине идиллическая картина должна была, по замыслу строителей, услаждать взгляд королей и королев Южной Амберии. Город Эмбер, в свою очередь, тоже был обнесен стеной, но пониже и вкруг, в отличие от Крепостцы. За этой стеной уже тянулись земли крестьян и располагались более скромные, в отличие от домов горожан, жилища мелких ремесленников. Родерик любил бывать на Крепостце. В одной части древней стены с краю обвалилось несколько камней, и в этом образовавшемся провале мальчик часто сидел, бесстрашно свесив ноги и обозревая город. Но более всего взгляд его манила даль – та, что обычно терялась в желтоватой дымке на горизонте, и только лишь в самую ясную погоду там можно было различить что-то. Родерик знал, что за Эмбером с его плодородными полями начинается Мертвая земля. Так амберийцы называли пустыню. Никто и никогда не рисковал путешествовать в песках, от которых веяло жаром и смертью в те дни, когда дул

южный ветер, никто и никогда не пытался выяснить, где кончается Мертвая земля, и есть ли что-то за ней. Сам Родерик считал, что нет. Иногда крестьяне находили странных ящериц с двумя хвостами, которые пришли из песков, но больше не было никаких вестников жизни оттуда, и те немногие, которые решались подойти к краю Мертвых земель, говорили, что единственное живое там – это сам песок, который постоянно движется под влиянием ветра, словно волны на море. Моря Родерик никогда не видел. Он знал, что оно есть где-то там, на востоке, откуда приходят подводы с рыбой и прочими морскими дарами, он слышал и про корабли, которые ходят до самых Островов, где живут диковинные люди. Возможно, когда-нибудь он побывает в тех краях. А пока – пока ему довольно и сидеть вот так на Крепостце, глядя вниз и рассматривая разноцветные крыши домиков.

Но это был точно не его день, потому что вечером, легко снуя по коридорам Чертога, Родерик имел несчастье вновь попасться на глаза королеве. Он как раз задержался около одного из смотровых окон, выходящих в Большую залу, когда его словно обдало холодом, по отросшим до плеч черным волосам протянуло легким ветерком от сквозняка, мальчик тут же обернулся и в очередной раз поймал на себе оценивающий взгляд королевы. В свои десять он плохо помнил мать, покинувшую этот свет несколько лет назад, но один из ее советов крепко отложился в памяти: не попадаться на глаза Ее Величеству. И, хотя Родерик любил мать (по крайней мере, он думал, что щемящее чувство нежности и жалости и называют любовью), однако выполнить эту просьбу оказалось выше его сил. Мальчик не прятался и открыто сновал по замку наравне с другими слугами. Вот только он не был слугой. Место Родерика было не определено. Он мог помочь и конюху, и кухарке – но лишь по собственному желанию и чаще ради какой-либо выгоды. Конюх взамен тайком обучал его верховой езде. Кухарка совала в руки еще теплые пирожки.

Он хорошо помнил пышные похороны короля. Мать его утверждала, что именно он и был отцом Родерика, но сам мальчик не мог думать о нем иначе, чем как о короле Ордуре Валентайле. Так или иначе, король скоропостижно умер в прошлом году после странной болезни. Придворные доктора называли ее лихорадкой, но кое-кто поговаривал, будто сама королева Элеонор приложила к этому руку.

Ее боялись. Родерик впервые видел, что можно так бояться обыкновенную женщину.

Впрочем, она не была обыкновенной. Крепкая хватка и изощренный ум вкупе с властолюбием делали из королевы настоящего хищника. Родерик знал: она желала править и добилась этого. Наследник, сын Элеонор, мальчик двумя годами младше Родерика, был еще слишком мал для этого, потому после смерти короля вся власть перешла в руки его супруги.

И теперь Ее Величество вместе со старшей экономкой стояли у него на пути.

Королева Элеонор взглянула на мальчишку, пронзая серым льдом своих глаз. Но Родерик не шелохнулся. Не потупил взор.

– Опять этот мальчишка, – сухо проговорила королева. – Он путается под ногами.

– Да, Ваше Величество, – поспешила согласиться экономка.

– Да он, кажется, лоботрясничает? Чей он?

– Розеллы-белошвейки. Она умерла уж давно.

– И что, во всем Чертоге не нашлось дела для этого сорванца?

– Виновата, Ваше Величество, – экономка смиренно потупилась.

– То есть мне нужно заниматься всем, даже определять слуг по местам? Вы сами не в состоянии этого сделать?

– О, Ваше Величество! – экономка склонилась и дотронулась до подола платья королевы в подобострастном жесте. – Пока была жива его мать, он помогал ей, распутывал пряжу и таскал ткани… Мы пока не смогли придумать, куда его определить…

– Пряжа и ткани не для него, он же не девчонка! – раздраженно отмахнулась Элеонор. – Отчего же его не отправить, к примеру, в конюшни? Мальчик худой, но рослый. Пусть задает корм лошадям да чистит стойла.

– Если позволите, Ваше Величество, – смущенно проговорила экономка. – Дело в том, что он слишком не сдержан… Сэр Мирчанд говорит, что лошади пугаются его.

Это была ложь. Он отлично ладил с животными, но отчего-то многие слуги старались при случае выгородить его и избавить от тяжелой работы.

Королева Элеонор поджала губы.

– Не сдержан? Не думала, что у черни есть такая привилегия. Надо же, не сдержан! – она невольно ухмыльнулась и обратилась к самому Родерику. – Что же, это правда?

Он глядел на нее насупившись, но не отводя глаз.

– Нет, это даже забавно. И в чем же проявляется твоя несдержанность, молодой человек?

Сперва он не хотел ничего делать, но потом словно бес вселился в его душу: он громко свистнул и с места сделал кульбит в воздухе, изрядно перепугав Ее Величество, а потом еще прошелся колесом.

Элеонор ахнула, но быстро взяла себя в руки, и застыла в прежней позе: чинно сложив руки перед собой. Казалось, на несколько минут она крепко о чем-то задумалась. Поза, которую слишком часто видели слуги, и которая подчас была слишком обманчиво-благочестивой.

Родерик подумал, что она сейчас же прикажет выпороть его за дерзость, но он ошибся. Королева придумала для него худшую участь.

– Ну что же, дерзкому кривляке подойдет место шута при короле. А то мой мальчик скучен в последнее время. Может быть, новое лицо развлечет его. Отмойте же его… И переоденьте, – добавила Элеонор сухо.

Экономка поспешно поклонилась и, схватив Родерика, потащила его в комнату слуг. Так Родерик стал королевским шутом.

Глава 3. Кастелян

Вечер в Лорренвилле был самым неприятным временем для Северна. Именно в это время он острее всего ощущал свое одиночество. Нет, Северн не возражал бы против одиночества, которое было привычным и приятным ему: сидеть у окна и смотреть на догорающее солнце, задумчиво чистить оружие в уголке, провести весь день в самой глухой чащобе, карауля дичь… Но одиночество Лорренвилля было другого порядка. Это было одиночество Северна среди всех прочих людей.

Остальное время в Лорренвилле он проводил весьма сносно. Каждый день с самого раннего утра был наполнен какими-то делами: обучением, тренировками, стиркой, уборкой, чисткой коней и оружия. Но вечером… Вечером приходилось возвращаться в спальню и слушать бесконечные байки своих товарищей. Северн не умел говорить так легко, как они. Не мог и не хотел понимать их шутки и шутить сам. Он остро ощущал, что и никто из них не понял бы его, вздумай он поделиться своими мыслями. Но его отстранение от общества скоро заметили и не захотели ему простить этого.

В тот вечер, пока они, по обыкновению, хвалились своими победами в тренировках и рассказывали друг другу истории, которые почему-то считались у них страшными, Северн тихо сидел в своем углу, приводя в порядок обувь. Слушать товарищей было ему неинтересно, он размышлял о том, как хорошо было бы снова вернуться в родной замок и отправиться ловить рыбу к ручью, который студеной стрелой мчится сквозь скал. Рыба осторожна, но Северн сидит совершенно неподвижно, стараясь ничем не нарушить гармонию природы, и вот она хватает наживку – и в тот же миг оказывается на берегу, поблескивая под солнцем своим чешуйчатым боком, извивается и бьется, стремясь к воле, и ее скользкое тело столь же обжигающе-ледяное, как вода. Пальцы стынут, но Северн упрямо продолжает снимать ее с крючка, стараясь не доставить излишних страданий, пусть она просто надышится воздухом и заснет, заснет…

– Отчего он никогда не рассказывает нам каких-нибудь историй? – в мысли Северна грубо ворвался голос мальчика по прозвищу Серый хвост. Отросшие волосы его действительно казались какими-то серыми, словно запыленными. – Должен же он знать хоть парочку?

– Я слышал, он сын лорда. Эй, Северн, ты лорд?

Северн молча продолжал начищать свои сапоги.

– Точно лорд! – воскликнул Якоб. – Видали, каков, и говорить с нами не хочет!

– Я воин, – хмуро пробурчал Северн, одаривая компанию недобрым взглядом.

Якоб встал и танцующей походкой направился к Северну, остановившись, однако, на достаточном расстоянии, которое, вероятно, показалось ему безопасным.

– Да какой он лорд, разве в нем есть что-то от благородных! Глядя на него, скорее скажешь, что он сын какого-нибудь мужика. Из тех, что ворочают камни или еще чего такого.

Пока Якоб говорил о его отце, Северн равнодушно продолжал заниматься своим делом. Однако, стоило только Якобу сказать:

– А мамаша его, наверное, из тех, кто…

Этого он уже не успел договорить: Северн в ярости вскочил, отбросив сапог. Они сверлили друг друга взглядами несколько секунд, кое-кто из мальчишек тоже стал угрожающе вставать со своих мест, предвкушая драку. И неизвестно, чем бы дело закончилось, если бы в ту же минуту дверь со скрипом не отворилась и в спальне не показался кастелян. Он окинул взглядом комнату и быстро оценил обстановку. Потом перевел взгляд на тяжело дышащего Северна, глаза которого были налиты кровью.

– Идем, поможешь мне, – кивнул ему сэр Гудвок.

Мальчик никак не отреагировал, и кастеляну пришлось положить руку ему на плечо.

– Идем, я сказал. Мне нужна твоя помощь. И еще двое, покрепче. Элбрук и Невилл, тоже за мной.

Когда троица вышла на воздух, кастелян как бы невзначай напомнил, что за драки у них лишают пищи на весь день.

– А таким крупным мальчикам тяжело будет сутки сидеть на одной воде, не так ли? Идемте, – он показал на темнеющую у ворот повозку, едва различимую в сумеречном свете. – Привезли зерно, надо разгрузить.

Закипела работа. Северн шутя подхватывал тяжелые мешки, которые подавали ему товарищи, и уносил в кладовую, стараясь не касаться ими земли – снег мог налипнуть на мешок и намочить зерно, со временем приведя его в негодность, а лишних припасов у них не было. Скоро спину заломило, но эта боль каким-то непостижимом образом вытеснила обиду и раздражение, испытанное в стычке с Якобом. И Северн ощутил себя так хорошо, как если бы с полчаса помахал во дворе мечом, разрубая трухлявые чучела.

Когда на дне телеги осталась только одна небольшая коробка, кастелян отпустил всех, кроме Северна. Ему он кивнул на коробку.

– Отнеси-ка вот это в мою комнату. Знаешь, где это? Нет? Идем, провожу.

Коробка была не столько тяжелая, сколько громоздкая, и пробираться с нею по узким коридорам было неудобно. Кастелян жил высоко, под самой крышей, в небольшой каморке. Северн вошел и застыл, озадаченно осматриваясь.

– Что, ожидал увидеть хоромы? – спросил сэр Гудвок, посмеиваясь. – Поставь сюда.

Северн опустил коробку на дубовый стол.

– А что там?

– Книги.

Северн кивнул, будто ожидая услышать такой ответ и неловко застыл посреди комнаты, не зная, можно ли ему уже идти. Идти, по правде говоря, никуда не хотелось.

– В тебе силы немеряно, – вдруг сказал сэр Гудвок. – Конечно, девять человек в конце концов одолеют тебя, однако до этого ты успеешь серьезно покалечить нескольких, а возможно, даже убить. Знаешь, что полагается за убийство?

Северн молчал, насупившись.

– Молчишь… Ладно уж, иди, – сказал кастелян и, помедлив, добавил. – Они в большинстве своем трусы. А ты нет. И я не хотел бы потерять одного смелого будущего воина. Ступай, ступай. И выспись хорошенько.

Северн не знал, говорил ли кастелян с его товарищами по комнате, однако больше ни один из них не посмел сказать ему ни одного дурного слова. Впрочем, как и хорошего.

С той поры как-то повелось, что Северн стал частым гостем в комнате кастеляна. Порой он помогал принести какие-то вещи, иногда брал книги, которые ему предлагал сэр Гудвок. Обычно молча – говорил в основном кастелян. Северн сидел у него в каморке, в самом углу у единственного окна, а старик рассказывал о Лорренвилле, о том, какие славные воины выходили отсюда, о забавных случаях, что он повидал, служа тут, и о страшном пожаре, который лет десять назад унес жизни нескольких воспитанников, а большинство построек просто стер с лица земли.

– Но, как видишь, мы скоро всё отстроили заново. По правде сказать, это дело нехитрое, ты ж видел, мы тут строимся без особой выдумки…

Кастелян осекся, заметив, что Северн его не слушает, а смотрит на стену, где висело несколько памятных для Гудвока вещей. Но он понимал, что лишь одна из них могла вызвать интерес Северна. Кастелян снял с крючка резной клинок, рукоять которого была украшена какими-то голубыми камешками, и протянул его мальчику. Северн благоговейно принял его и стал рассматривать, поворачивая так осторожно, как будто оружие было сделано не из стали, а

из тончайшего хрусталя. Гудвок с интересом наблюдал за выражением лица своего воспитанника.

– Этот клинок достался вам от отца? – спросил Северн и тут же устыдился своего любопытства.

– Нет, – ответил кастелян с печальной улыбкой. – Я не знал своего отца, он умер еще до моего рождения. И не в битве, – с усмешкой подмигнул он мальчику. – Он задолжал кругленькую сумму одному из местных головорезов и не хотел платить. Так что конец его ждал бесславный. Какою и была вся его жизнь, о чем говорить неприятно, но правда есть правда, верно? Оружия у нас в доме не водилось, разве что кухонных ножей да скалки матери.

Северн вернул клинок и с нескрываемым интересом посмотрел на кастеляна так, словно увидел его впервые.

– Ну, спрашивай, – усмехаясь, разрешил Гудвок, разглядев нерешительность Северна.

– Как вы попали сюда?

Сэр Гудвок пожал плечами.

– Как все. Мать отправила. Она работала прачкой, это было тяжело, денег почти не приносило. Мой отъезд сюда был выходом. Она хотела, чтобы я стал воином.

– Но вы не стали воином. Почему?

Вместо ответа кастелян стянул с себя перчатки и протянул руки Северну. Выглядели они ужасно. Выпирающие кости и суставы, казалось, готовы были разорвать туго натянувшуюся кожу, местами делая ее лиловой.

– Болезнь. Суставы болят, когда сгибаешь пальцы.

– Давно это с вами?

– С тринадцати лет. После того, как я заблудился в лесу и обморозил руки. С тех пор они не в состоянии держать меч должным образом.

– Мне жаль.

– Не стоит, – кастелян осторожно похлопал Северна по спине. – Не стоит, мальчик мой, жалеть о том, что приготовили нам Судьбы. Служить можно не только мечом.

Северн задумался, и сэр Гудвок невольно улыбнулся.

– Завтра я отправлюсь на мельницу. Мне понадобится помощник. Я могу на тебя рассчитывать?

Лицо юноши вмиг просветлело.

– О да, сэр, конечно!

– Хорошо, – кивнул кастелян, поворачиваясь и возвращая клинок на стену. – А это – дар одного из учеников, Маркуса Тэнна.

– Где он сейчас?

– Пошел по морскому делу. Я не видал его лет десять, возможно, его кости лежат где-нибудь на дне Срединного моря, чего мне, по правде сказать, не хотелось бы. Славный был малый. Частенько захаживал ко мне, вот как ты сейчас. В основном за книгами. Он был с побережья, с Фарпорта. Бредил морем. Хорошо, когда у человека есть мечта. Без мечты дни долгие, а ночи темные. Особенно здесь, среди серых камней. А у тебя есть мечта, Северн?

Северн пожал плечами. Он не был уверен, стоит ли рассказывать кастеляну о Рогане и собственном желании стать столь же великим человеком. Он ощущал что-то нескромное в такой мечте, поэтому предпочел промолчать.

– Думаю, есть, – посмеялся кастелян. – Но уж больно ты скрытен, сынок. Ну ступай, неужто не слыхал? Пробили на ужин.

Глава 4. Благородство и подлость

За три года своего обучения Северн так и не обрел в Лорренвилле друзей. Он всегда тяжело сходился с людьми и потому предпочитал одиночество. Сэр Гудвок, пожалуй, так и остался самым близким ему человеком, возможно, потому что и сам принадлежал к одиночкам. Все вокруг казались Северну сплошной безликой толпой, и он не испытывал никакого желания заводить с ними беседу. Среди всей разношерстной массы воспитанников, пожалуй, лишь один человек вызывал неподдельный интерес Северна. Это был молодой лорд Даррелл.

Даррелл был непохожим ни на кого из них. Он не славился высоким ростом или мощным телосложением, однако весь вид его словно говорил: расступитесь, идет король. Свободой дышал каждый его жест, он проходил по площади так, словно все вокруг принадлежало ему, словно здесь был его дом. Он оказался в Лорренвилле много позже остальных, и поначалу кое-то пытался задирать его, однако Дарреллу оказалось достаточно лишь взглянуть в глаза своему обидчику – и эти попытки были тут же оставлены. Было что-то в его пронзительных синих глазах – что-то, что пугало и одновременно восхищало тех, кто решался заглянуть в них. Спокойствие и полное бесстрашие – будто Даррелл не верил в само существование смерти и потому не боялся ее, как не боялся окружающих его людей, будь они самыми дурными на свете. А вот его самого откровенно побаивались. Кто-то называл Даррелла гордецом, кто-то сумасшедшим. Одни говорили, что он королевских кровей. Другие – что отец специально отослал его прочь с глаз, чтобы Даррелл не покушался занять трон. Нескоро Северн узнал, что Даррелл – это имя. Этот юноша был Дарреллом Валентайлом, он и правда носил королевскую фамилию, однако если ты не наследник трона, то тебя зовут просто по имени. Северну было все равно. Он никогда не видел ни Северного, ни Южного королей, и сомневался, что ему когда-либо придется. Здесь, среди серых камней Лорренвилля, ценились не титулы и имена, а умение хорошо владеть мечом и головой. И это Северна вполне устраивало.

Но было еще одно, с чем он и не думал встретиться здесь, в школе воинов – с подлостью.

Северн уже не помнил, когда это началось. Пожалуй, с самого его приезда в Лорренвилль. С самого момента, когда его глаза встретились с глазами Якоба.

Да, они невзлюбили друг друга с самого начала. Но Северн был одиночкой, за Якобом же вечно таскалось несколько парней, которые находили какую-то свою выгоду в общении с этим вечно скалящимся наглецом. Якоб был старше, был жилист и проворен, он знал Лорренвилль как свои пять пальцев, все его закоулки и тайные тропы, все самые теплые и самые темные места. И еще Якоб был отчаянным хвастуном.

Однажды за сэром Лундом пришел слуга прямо во время занятия во дворе, и тот ушел, приказав ученикам разбиться на пары и посвятить остаток времени тренировке.

Северн привык, что драться с ним не особенно рвались. Он был действительно силен, и кому же захочется ходить с синяками от деревянного меча, который в умелых руках мог превратиться во вполне стоящее оружие?

Поэтому он был удивлен, когда услышал знакомый голос:

– Ну что, лорд, сразимся?

Северн обернулся. Перед ним стоял Якоб, нарочито небрежно размахивающий своим мечом.

– Отвали.

– О, как грубо! Или ты боишься проиграть?

– А ты? – хмуро спросил Северн, ощущая, как внутри него нарастает раздражение.

Их обступили товарищи, заинтересованные стычкой давних противников.

– Я готов поставить пять золотых на твой проигрыш, лорд.

– Неужели? – притворно удивился Северн и хмуро добавил:

– Рискуешь потерять свои деньги.

– Ну, не последние, – ухмыльнулся Якоб. – Давай же, ведь тебе терять нечего. Ну, разве что собственное достоинство.

– Хорошо, – кивнул Северн. – Если ты хочешь.

– О, я хочу, хочу, не сомневайся! Просто сгораю от нетерпения!

Они заняли свои позиции и начали сходиться. Северн уже ощущал столь привычную дрожь нетерпения, что возникала у него при каждом бое, это совершенно физическое желание двигаться, потратить свою силу. Но в этот раз ему этого не удалось.

Замах – выпад, и Северн так и не понял, как оказался на земле. Над ним стоял ухмыляющийся Якоб.

– Ну, съел, а?

Северн рывком сел в пыли. Раздался чей-то смех, мечом резанувший его по самому сердце. Обида жгла его огнем, но еще больше было его недоумение.

– Но как… Ты подставил мне ногу! – вдруг озарило Северна. – Ты дрался не по правилам!

Якоб вскинул голову.

– Какая разница, как я дрался, главное, ты проиграл!

– Но это нечестно!

Северн начал подниматься, брови его угрожающе насупились, и Якоб уже начал отступать в круг своих дружков, словно ища там поддержки. Но не успел Северн сделать и пары шагов, как на его плечо легла чья-то тяжелая рука. Он раздраженно обернулся, пытаясь сбросить ладонь, и уставился прямо в синие глаза Даррелла.

– Он прав, – сказал Даррелл, переводя взгляд на Якоба. Он говорил тихо, но все поневоле замерли. – Ты дрался подло. Я видел это.

Якоб попытался ухмыльнуться, но у него не очень получилось.

– Просто этот лорд не желает признать, что кто-то может быть сильнее…

– Не сильнее, – отрезал Даррелл тем же спокойным тоном. – Подлее.

– Что тут происходит? – прямо за ними раздался голос сэра Гудвока, и в ту же секунду кастелян очутился на поляне между ними.

Даррелл убрал руку с плеча Северна и отступил в сторону. Гудвок окинул всю компанию взглядом и сердито пожевал губами.

– Довольно. Время драк на сегодня закончено. Идем, – кастелян кивнул Северну.

Тот неохотно последовал за ним, оглянувшись лишь на Даррелла, но тот уже быстро шагал к конюшне. Как всегда, в одиночестве.

– Что, попался на удочку? – добродушно ухмыльнулся сэр Гудвок. – Со всеми бывает впервые. Воин – это не только меч, но еще и стратегия, тактика. Какою бы быстрою и сильною ни была рука, пустая голова скорее слетит с плеч.

Северн шел, насупившись. Он размышлял о том, что сказал ему Якоб.

– Не хмурься, – с улыбкой, спрятавшейся в густой бороде, что отросла у сэра Гудвока за последние годы и спрятала счастливую ямочку на подбородке, добавил кастелян. – Я приготовил для тебя сюрприз. Я заметил, ты часто и с удовольствием читаешь. Здесь много полезных книг, но я знаю место, где библиотека настолько огромна, что тебе не хватит и жизни, чтобы прочесть ее. Предки лорда Поллока собирали ее не одно столетие, и там много книг по воинскому искусству. Я встретил лорда сегодня, и теперь хочу воспользоваться его любезным приглашением. Лорд Поллок живет в приграничных землях и будет рад видеть у себя в гостях выходца из известного северного дома. Тем более теперь…

Что скрывалось за этим «теперь», Северн не стал задумываться, обида и ощущение несправедливости все еще жгли его душу, однако кастелян произнес ключевое слово «книги» – слово, которое в конечном итоге и привело Северна в Лебединый пруд.

Даррелл знал, что он из одиночек. Он знал это всегда, с самого рождения. Ему не требовалось внимание отца и старших братьев, чтобы чувствовать себя счастливым. Пожалуй, лишь по матери Даррелл скучал. Он знал – она любила его, любила обнимать и целовать, когда он был совсем маленьким, любила бы, вероятно, и теперь, вот только ее скоро не стало. Королева Северной Амберии никогда не отличалась крепким здоровьем, а случившееся с Аэлредом, его старшим братом, подкосило ее окончательно.

Аэлред больше не мог ходить. Даррелл и не помнил его другим – не в уродливой громоздкой коляске, с длинными ногами-плетями, бессильно свисающими вниз. Они не виделись много лет – еще ребенком Аэлреда отослали в Санрайс под предлогом лечения, но Дарреллу всегда казалось, что отец сделал это по двум причинам, не имеющим к лекарям никакого отношения. Во-первых, он винил старшего сына за раннее угасание королевы. Второе – и главное – будучи не просто человеком сильным и крепким, но и королем, он не хотел видеть физическую немощь одного из своих потомков, своего первенца, который при других обстоятельствах должен был унаследовать его трон.

Даррелл был третьим сыном и четвертым ребенком в семье. А это значило, что после его отца Северным королем станет Ренард, второй по старшинству после Аэлреда. Даррелл плохо помнил обоих братьев и сестру. Аэлреда он потерял очень рано, а с Ренардом они никогда не были особенно близки. Сестра Астория, всего на год старше Даррелла, маленькая девочка с лисьим личиком, была всего лишь девочкой, непонятной и потому далекой, занятой какими-то пустяковыми женскими делами вроде вышивки или плетения кос. Оказавшись в двенадцатилетнем возрасте в Лорренвилле, Даррелл не ощутил, что его лишили дома – он быстро привыкал к новым местам и порядкам. Он никогда не имел свойства чем-то очаровываться – будь то дома или люди – поэтому и не страдал от разочарований. Даррелл мог разговаривать с кем угодно, не подпуская никого и близко к своей душе, но при этом всё чаще задумывался о том, как всем требуется хотя бы один особенный человек. Кто-то, кто станет ближе остальных.

Даррелл знал, что Северн тоже одиночка. Может, даже более, чем он сам. Этот парень был немного диким и угрюмым, но Даррелл нутром чуял: тот не подведет.

Даррелл считал, что не нуждается в друзьях. Но признавал, что иметь своим другом Северна было бы большой удачей для любого человека.

На смену осени приходила зима, зима сменялась весной, а весна – летом, не особенно жарким в этих краях, и колесо времён катилось так же, как сто, и двести, и триста лет назад. От постоянных упражнений мышцы росли, а характер закалялся, но никуда не уходила тоска – тоска по родному человеку. Это было проклятие всех воспитанников Лорренвилля, и если кто-то из товарищей Северна жил ради весточки из дома, то он сам был лишен и этого: отец писал крайне редко, и его записки умещались в пару строк.

Однажды, после особенно тяжелой тренировки, когда ноги словно одеревенели, Северн наскоро проглотил свой ужин и раньше всех отправился спать. В комнате еще никого не было, и юноша быстро разделся, намереваясь хорошенько отдохнуть. Но, только он сунул руку под подушку, желая устроиться поудобнее, как пальцы его тут же наткнулись на что-то, чего в его постели не должно было быть. Северн вытащил из-под подушки сложенный вчетверо листок бумаги. Пару секунд просто смотрел на него, а потом развернул. Ровным и четким почерком там было написано следующее: «У Рогана. Ровно в полночь.»

В коридоре послышались шаги, и Северн инстинктивно смял записку, пряча ее под одеялом.

Кому понадобилось писать это? И зачем? Чтобы посреди ночи выманить его из комнаты? Северн подумал было о Якобе, но его почерк он знал хорошо, и эту записку писал не Якоб. Кто-то из его дружков?

Комната постепенно наполнялась его товарищами, негромко переговаривающимися и посмеивающимися, откровенно зевающими и желающими в конце этого длинного дня только одного – покоя, ну и, возможно, снов о доме. Северн подумал о том, что ему следовало бы выбросить записку вместе с мыслями о ней и заснуть сном праведника. Но он уже не мог. Любопытство завладело им.

Конечно же, боясь уснуть, он пролежал с открытыми глазами до самой полуночи. Потом осторожно спустил ноги с кровати. Тишина, только изредка доносится чье-то посапывание. Стараясь не шуметь, Северн оделся и вышел из комнаты. Сердце стучало глухо, но в ночной тишине этот стук, как казалось Северну, был слышен на всю округу.

У статуи Рогана его и впрямь ждали. Луна была почти полная, и чья-то неясная тень скорчилась у самого постамента. Северн невольно запнулся о камешек, и тень, видимо, услышав его шаги, тут же выпрямилась. Северн медленно приблизился, невольно ожидая…он не знал, чего ему ожидать.

– Пришел, – тихо сказала тень, и Северн узнал голос Даррелла.

– Пришел, – так же тихо ответил он. Тело Северна тут же расслабилось – Даррелл не мог вызвать его сюда для того, чтоб померяться силами или подшутить над ним. Только не он.

– Идем, – сказал Даррелл, и Северн без вопросов двинулся за ним.

Они миновали последние постройки и подошли к колодцу на самом краю поселения.

– Здесь есть тропа, о неё не знает даже Якоб, – тихо сказал Даррелл, и Северн уловил в его голосе насмешку.

За все время, что они шли, Даррелл ни разу не обернулся проверить, следует ли за ним Северн (хотя оба старались ступать бесшумно), словно понимая, что иначе и быть не может.

– Если идти по ней прямо, то рано или поздно можно выбраться на дорогу до Санрайса. Но нам нужно свернуть. Я покажу.

Теперь Даррелл повел Северна вверх по холму. Тропа петляла между деревьями, но даже при свете луны виднелась довольно четко. Северн не задавался вопросом, куда они идут – уже один лишь факт того, что Даррелл позвал его с собой, наполняло сердце Северна гордостью. Человек, которым он в какой-то мере восхищался, из всех воспитанников школы выбрал его для компании!

– Вот здесь, – Даррелл вдруг остановился у большого камня и свернул. Дальше тропа сужалась, а через десяток шагов и вовсе исчезла, слилась с травой и камнями. И вдруг Даррелл словно нырнул куда-то – Северн только что видел перед собою его спину, и вот товарища уже нет.

– Сюда, – послышался голос.

Северн нерешительно шагнул вперед и едва не упал – слишком резкий спуск вынудил его схватиться руками за кусты.

– Осторожнее, – в голосе Даррелла на сей раз можно было распознать улыбку. – Вот так.

Северн наконец выпрямился, встав рядом с Дарреллом, и смог осмотреться.

Открывшийся ему вид поневоле заворожил его. Они стояли на склоне холма, а впереди в лунном сиянии простиралось бескрайнее поле с поблескивавшей прямо посередине гладью озера. Но самое главное было дальше – там, где пространство просто тонуло во мраке, и на горизонте вставали какие-то неясные темные громады, казалось, подпирая своими вершинами сами небеса.

– Горы, – выдохнул Северн.

– Да, – кивнул ему Даррелл и сел на широкий гладкий камень. – Я хотел показать тебе это место.

Северн не нашел, что ответить. Он просто сел рядом с товарищем и, как зачарованный, продолжил глядеть вдаль. Где-то там, в этих горах, был его дом.

– Ты ведь оттуда? – словно угадав его мысли, спросил Даррелл.

Северн молча кивнул.

– Я тоже. Нельзя сказать, чтоб меня там очень любили, но я все-таки надеюсь рано или поздно вернуться домой.

– Спасибо, – только и сказал Северн. – Что показал мне.

Даррелл пожал плечами и улыбнулся.

– Днем видно лучше, но опаснее. Могут засчитать за побег.

– Я не буду приходить сюда днем, – серьезно пообещал Северн.

Даррелл тихо засмеялся.

– Да, наверное, не стоит.

Они помолчали. Потом Даррелл сказал:

– Я знаю, что ты хорош в бою на мечах. Хочу попросить сэра Лунда завтра поставить нас в пару. Ты как, не против?

– Я буду рад, – Северн серьезно кивнул. – Я слышал, что ты тоже в этом неплох.

– Посмотрим, – засмеялся Даррелл. – Вот и посмотрим.

Так началась их дружба.

Тем временем, жизнь старшего брата Даррелла, Ренарда Валентайла, протекала совсем иначе. Уже с детства, после того как Аэлред получил свою травму, стало понятно: следующим королем после Этура Валентайла станет именно Ренард. С той поры каждый день мальчика был наполнен разнообразными занятиями, призванными обучить его королевским премудростям, которые должны будут пригодиться ему, когда он сядет на северный трон. Его обучали езде на лошади и бою на мечах, грамоте и манерам, ведению хозяйства и управлению слугами, даже пытались привить Ренарду любовь к музыке и прочим искусством – но тут потерпели неудачу. Ренард не выражал совершенно никакой тяги ни к игре на музыкальных инструментах, ни к рисованию или вырезанию фигур из дерева. Он любил прокатиться на резвой лошади, посидеть с отцом в тронном зале, пока тот принимал просителей и разбирал тяжбы подданных – тем и исчерпывались его интересы. Но любому обучению когда-нибудь приходит конец, и вдруг настал тот день, когда Ренарду больше не нужно было идти на урок, и у него образовалось очень много свободного времени. Конечно, король брал его во все свои недолгие поездки – но они были так редки, что не стоили и внимания.

Правда, была у северного наследника одна страсть, которую он старался держать в тайне – Ренард любил азартные игры. Его отец, сир Этур, презирал забавы подобного рода, и в замке никаких игр не водилось. Еще подростком, когда Ренарду удавалось улизнуть из замка, он переодевался в крестьянскую одежду, бежал в деревню и смотрел на мышиные бега – разумеется, там делались ставки, и он тоже ставил монету-другую на своего фаворита. Конечно, все вокруг знали, кто скрывается под видом селянина, у которого всегда водятся деньги, но помалкивали, относясь снисходительно к причудам наследника трона.

Ренард взрослел – и ставки его повышались. Скоро он мог играть во всё, вплоть до настольных игр, среди которых особенно полюбил тафл. Еще бы, ведь эта игра была о королях! Тафл недавно появился на севере; говорили, будто эту игру завезли моряки с Островов, и мало находилось умельцев, которые бы мастерски в нее играли. Ренарду очень хотелось стать таковым – проигрывать он не любил и относился к любой неудаче крайне болезненно.

Однажды Судьбы свели его за столом с незнакомцем, вид которого был странен для этих мест. Никто не мог бы с уверенностью сказать, сколько лет этому господину: несмотря на совершенно лысую голову, лицо его было абсолютно гладким и лишенным морщин. Ренард долго смотрел на него, пытаясь понять, что же так смущает его во внешности незнакомца – и только спустя некоторое время осознал, что у того не было бровей. Одеждой он тоже отличался ото всех: на севере поверх рубахи надевали куртку из кожи – если позволял достаток, или из ткани;

незнакомец же был закутан в то ли халат, то ли плащ почти до пола, расшитый диковинными узорами и явно дорогой. Это вызвало у Ренарда интерес.

– Моро, – представился человек, когда королевский наследник спросил его имя. – Зовите меня просто Моро, сир.

– Откуда ты, Моро?

– Я издалека, с Островов.

– Ну что ж, Моро, давай сыграем.

Моро выиграл раз, и два, и три. Горка монет на его половине становилась все выше, а у его соперника редела и редела. Ренард поминутно вскакивал с места, бесился и рвал на себе волосы, но ничего не мог поделать. Окружающие, видя состояние наследника, стали расходиться, с сочувствием поглядывая на Моро – казалось, еще чуть-чуть, и Ренард вспылит так, что бросится душить своего соперника голыми руками. Но чужестранец, лишь неделю назад появившийся в их деревне, видимо, ничего не знал о сложном характере королевского сына, потому что сидел спокойно на своем месте и даже взглядом не выдавал ни малейшего волнения. Зато, дождавшись, когда зеваки разойдутся, Моро вдруг сказал:

– Сир, я не стану забирать своего выигрыша. Я вижу, что эта игра нова для вас, а я же играл в нее с самого детства. Если пожелаете, я могу обучить вас всем премудростям, какие только известны мне.

Ренард хотел ответить, как обычно, какой-то резкостью, но жажда стать победителем во всем взяла верх. Он с сомнением посмотрел на Моро.

– Тут есть особые премудрости?

– Конечно, сир, как в любой игре. Вот посмотрите – вы делаете ставку на одного из ваших королей и начинаете вести его. И он скоро попадает в окружение. Тафл не терпит спешки, сир. Нужно ходить всеми королями попеременно – так у кого-то из них появится шанс дойти до края без помех.

Ренард хмыкнул, но спорить не стал. Вместо этого он вдруг спросил:

– Что ты делаешь в деревне, Моро? Ведь ты не кузнец, не плотник, не рыбак. И уж точно не охотник.

– Я торговец, сир. Я приехал с востока и привез с собою всякие полезные вещицы. У меня тут своя лавочка. Если позволите, сир, я покажу вам.

– Хорошо, – кивнул Ренард. – Показывай.

И Моро привел наследника в свою лавку. Она была маленькой, забитой разными товарами: пестрыми тканями, мелкой посудой и инструментами, шкатулками и бумагой, какими-то перьями диковинных птиц и прочими безделушками. Между ними Ренард приметил и несколько досок для тафла.

– А это что? – спросил он, указывая на дальнюю полку, выглядывающую из-за занавески.

– У меня тут высушенные травы, – сказал Моро, подходя и чуть отодвигая занавес. На полке лежали холщовые мешочки и стояло несколько закрытых непрозрачных банок. – Они с Островов.

– Для чего они? Лечебные?

– Какие-то – да. Но больше для приготовления напитков – они придают особый аромат.

Ренард задумался и опустил взгляд на какой-то сундучок, задвинутый под полку. На сундуке висел внушительный замок.

– А там ты что прячешь?

Моро подобострастно улыбнулся и чуть поклонился.

– Сир, я не прячу – я лишь держу это под надежным запором, чтобы избежать несчастного случая.

– Несчастного случая? Там что-то опасное? – заинтересовался Ренард. – Я требую показать мне!

– Слушаюсь, сир, – Моро поспешно наклонился, достал из кармана маленький ключик и отпер замок. Все дно сундучка было уставлено разноцветными бутыльками и металлическими коробочками. Ренард протянул было к ним руку, но Моро в ужасе закричал:

– О нет, сир, нельзя!

Ренард одернул руку и прищурился.

– Стало быть, это…яды?

Моро кивнул и запер сундучок.

– За это тебя могут повесить, ты знаешь об этом?

– Знаю, – смиренно кивнул Моро. – Но я использую их только в лечебных целях и не делаю никому вреда. И потом, об их существовании знаете только вы, я никому их не показывал.

– Так ты надеешься, что я не выдам тебя? – развеселился Ренард.

– Смиренно надеюсь, сир, – кивнул Моро, не поднимая глаз.

– Не выдам, – согласился Ренард. – Но при одном условии: если ты научишь меня играть в тафл так, чтобы я не проигрывал ни разу.

– Я уже обещал вам это, сир. Я научу.

– Отлично! – Ренард выпрямился и задернул занавеску, прикрывая сундучок. – А это все же убери подальше отсюда, не то кто-нибудь увидит да подумает еще, что у тебя там деньги или золото.

– Конечно, сир. Это разумно, сир.

– Мне нужно домой. Но я приду завтра в это же время. Сюда, в твою лавку. Ведь остальным не за чем наблюдать наши уроки, верно?

– Как пожелаете, – Моро поклонился и проводил Ренарда до двери.

Ренард и правда вернулся к нему следующим вечером и продолжал навещать в течении нескольких недель. Они играли в тафл, но больше разговаривали: Ренард расспрашивал Моро об Островах, о нравах тамошних жителей, о кораблях и путешествиях. И, конечно же, о ядах.

Еще через пару недель он предложил Моро стать его личным слугой и помощником и перевез в замок, представив королю как самого надежного и преданного человека.

Глава 5. Белый Лог

Гидеон Ганн был красавцем. Даже такая дикарка, как Мерсия, ни разу за свои пятнадцать лет не покидавшая Белый Лог, это понимала. Этот юноша был чертовски привлекателен. Но хуже всего было то, что он сам отлично знал это. И весь его нарочито-небрежный вид, копна непослушных каштановых кудрей, ярко блестевшие из-под великолепных бровей голубые огни глаз, его красивые длинные пальцы, и этот характерный жест, как он поводит плечами в нетерпении – все словно кричало: вот я! любите меня! восхищайтесь мной! завидуйте мне!

И Мерсия неожиданно и вправду ощутила зависть. Ее чуть рыжеватым волосам никогда не виться таким роскошным буйством кудрей. Ее серым глазам не сиять подобно звездам. А нескладному угловатому телу не обрести столь томную грацию движений. Внезапно ее охватил такой стыд за свои неожиданные мысли, что она едва не поддалась ему, едва не вскочила, чтобы бежать, бежать поскорее, скрыться в спасительной тишине своей комнаты. Но Мерсия вовремя задушила в себе это постыдное желание и заставила себя улыбнуться очередной шутке неотразимого Гидеона Ганна. Он был гостем в их доме. Она никогда бы не смогла так опозорить отца.

Отец сидел чуть поодаль и беседовал со своим давним другом, дядей Гидеона, сэром Уилласом Ганном. Сердце Мерсии невольно вздрогнуло: старшие то и дело поглядывали на них с Гидеоном, словно беседа касалась их.

Мерсия не ошиблась. Сэр Дальберг, лорд Белого Лога, и его давний товарищ сэр Ганн действительно говорили о молодежи, что сидела у камина прямо перед их взорами.

– Сколько мы не видались? Лет семь? – добродушно спрашивал лорд Ганн, потягивая яблочный сидр. – Мерсия совсем выросла.

– Выросла, – соглашался сэр Дальберг. – И только Судьбы знают, каково это – растить дочь без матери.

– Она выросла замечательной леди, доброй и воспитанной, – утешил товарища Ганн.

– Иногда я боюсь за нее. Боюсь, что мир окажется не так добр к ней, как она того заслуживает.

Ганн улыбнулся и положил свою руку ему на плечо, кивнув при этом на детей.

– Думаешь, я понапрасну привёз Гидеона с собой? Он мой племянник, почти сын. Я забочусь о нем уж пять лет.

– Вижу, к чему ты клонишь, – Дальберг положил свою ладонь поперек руки Ганна.

– Не слышу радости в твоем голосе, – хохотнул Ганн. – Или перспектива породниться с давним другом тебя не радует?

– Я много думаю о Мерсии в последнее время, – признался Дальберг. – Ей было бы лучше с кем-то…кто будет старше ее. Кто будет надежен. Не сочти за оскорбление, – тут же поспешно добавил он, видя, что Ганн готов возразить. – Твой племянник совсем неплох, да только Мерсия недостаточно хороша для него. В каком-то смысле. Боюсь, он скоро заскучает с ней и станет искать развлечений на стороне. А я не хочу, чтоб моя девочка страдала.

Ганн напрягся и убрал свою руку.

– Возможно, ты прав, – голос его прозвучал серьезно. – С Гидеоном никто не может быть спокоен.

Он смотрел, как его племянник в своей несколько развязной манере пытается заполучить очередную жертву, и внезапно ощутил раздражение. Возможно, он слишком мало времени проводил с Гидеоном, оставив его на попечение крестных. Возможно, сходство мальчика с его братом, так рано умершим, перекрывало для Уилласа множество недостатков Гидеона. Но, черт возьми, слова Дальберга заставили его, пожалуй, впервые задуматься о судьбе пле-

мянника. Ганн задержал свой взгляд на Мерсии, и она, будто бы почувствовав это, внезапно оглянулась и посмотрела на него своими большими невинными глазами лани.

«Нет, – решил в ту минуту Ганн. – Гидеону нечего делать рядом с нею».

Они покинули Белый Лог следующим утром. Ганн желал бы выехать пораньше, на рассвете, пока прохлада хорошо овевает лицо и освежает мысли, но яблочный сидр дал о себе знать, так что ехать пришлось под палящим солнцем, что не улучшало его и без того неважное настроение.

Он скосил лицо на Гидеона, молодцевато сидящего на своей холеной белой лошади, и едва ли не впервые в жизни ощутил себя стариком. Это было плохо, это было пугающе и несправедливо. Он еще не стар! Да, он прожил немало и немало повидал, он посвятил свою жизнь сперва походам, а потом, после смерти родителей, укреплению родового гнезда. Он так и не женился, потому что не видел в этом особой нужды – сперва его одиночество скрашивали случайные подруги, а затем он и вовсе все реже стал думать о семье… У него был племянник. У него был дом и люди, принадлежавшие ему. Войско, наконец. Все это требовало внимания. И, как нехотя признался себе Ганн, Гидеон в вопросе внимания оказался не в приоритете. Сэр Уиллас Ганн не считал себя хорошим воспитателем. Возможно, это еще отзовется в будущем…но он предпочитал не думать об этом. Пока не увидел племянника с этой девочкой, Мерсией.

– Гидеон! – окликнул Ганн, поморщившись от того, как хрипло звучит с утра его голос.

– Да, дядя? – юноша приблизился, с улыбкой поглядывая вокруг – ах, эта безмятежная юность, когда ты готов радоваться даже простому пению птичек!

– Как тебе Белый Лог?

– Ничего, – чуть склонил голову Гидеон. – Я думал, мы пробудем там дольше.

– Тебе бы этого хотелось?

Юноша беспечно пожал плечами.

– Не особенно. Там не так красиво, как у нас или в Хорсе.

– Неужто совсем ничего не привлекло твой взгляд? – спросил Ганн, чувствуя себя глупцом.

Гидеон не сдержал улыбки.

– Ну отчего же, леди Мерсия. Признаться, она забавная.

– Забавная?

– Ну да. Такая…немного странная.

– Она хорошая девочка, Гидеон.

– Не сомневаюсь, – кивнул тот. – Они живут южнее нас, а больше напоминают северян. Дикие места – дикие люди… Отчего так, дядя?

– Северян? – удивился Уиллас Ганн. – Почему северян?

– Вы видели, какие столы у них? А кровати? Нет, дядя, это определенно северяне, никакого изящества! Но люди славные, что верно, то верно. Есть в них что-то такое… Поглядите-ка, да там лань! – вдруг воскликнул Гидеон и пришпорил коня.

Ганн хотел крикнуть ему, чтоб тот остановился и подождал всех, что так бросаться вперед неразумно… Но лишь покачал головой, хлестнул коня и сделал знак своим людям тоже поторопиться.

Мерсия смотрела в окно до тех пор, пока всадники не скрылись за поворотом. Несмотря на то, что ей иногда наскучивало одиночество, на сей раз она была рада столь скорому отъезду гостей. Молодой Ганн будил в ее душе какое-то неприятное беспокойство, а глядя на отца, она ощущала и его волнение.

Мерсия поднялась наверх и тихонько постучала в отцовские покои.

Он сидел в кресле у нерастопленного камина и напряженно о чем-то размышлял. Мерсия отчетливо видела глубокую складку, пролегшую меж его почти совсем седых бровей. При виде дочери Дальберг словно встряхнулся, морщинка разгладилась, на горестно сжатых губах появилось подобие улыбки.

– Устала? – ласково спросил он, протягивая ей руку, которую она тотчас же взяла в свои ладони. – Присядь сюда, посиди со своим стариком.

Мерсия привычным движением удобно устроилась на широком подлокотнике его кресла и обняла отца за плечи.

– Ну что же вы, какой же вы старик, батюшка.

– Самый что ни на есть, милая, – вздохнул Дальберг, но в голове его не было горечи. – Я был таковым еще при твоем рождении… Что за участь вам выпала – быть женой и дочерью такой древности…

– Отец! – Мерсия порывисто обхватила его за шею и прижалась к груди. – Ну что вы опять!

Дальберг гладил ее по голове.

– Я просил сэра Ганна не привозить больше Гидеона к нам. Я правильно поступил?

Он ощутил, как Мерсия чуть вздрогнула, но сразу же расслабилась.

– Да, отец.

– Он тебе не понравился? – нарочито шутливо спросил он, отрывая ее от себя, чтобы заглянуть в глаза. – Совсем не понравился?

– Нет, батюшка, – Мерсия улыбнулась. – Он достойный молодой человек… Но я… Я не знаю. Я боялась…боялась, что вы с сэром Ганном договорились, чтобы мы…ну…

– Нет, – успокоил он ее, заправляя за ухо выпавшую из прически прядь мягких волос. – Твоим супругом станет кто-то более надежный, чем молодой Ганн. Когда придет время.

Мерсия схватила морщинистую руку отца и поднесла к своим губам.

– Спасибо! Я не готова, совсем не готова была бы проститься с вами!

Дальберг был растроган. Но тут же лицо его омрачилось воспоминаниями, от которых невозможно избавиться, верно, до самой смерти. Он уже держал тут одну леди намного моложе себя… Держал, словно в заточении. Он не может так поступить еще с одной.

– Ты уедешь отсюда, – твердо сказал он. – Как все молодые леди покидают отчие дома, чтобы построить свои. Когда-нибудь это произойдет. Но позже. Позже!

Глава 6. Астория

Тем временем и у Уилласа Ганна, и у его лорда Дальберга неожиданно появилось хлопотное дело, которое требовало незамедлительного решения.

Его Величество Этур Валентайл, король Северной Амберии, неожиданно решил устроить большой праздник по случаю своих именин – на днях ему исполнялось пятьдесят лет – и созывал всех лордов Севера и западного Приграничья в Нордтэк. А это значило, что несколько дней гости проведут в королевском замке, где будет устроен пир и прочие развлечения, и к этому следовало подготовиться, чтобы не ударить в грязь лицом. Так, в самые сжатые сроки были пошиты новые наряды, оружие и доспехи натерты до блеска, подготовлены подарки Его Величеству и тщательно вышколены слуги, которым посчастливилось сопровождать своих хозяев к королю.

Нордтэк представлял собой крепость, окруженную несколькими деревеньками, но по случаю праздника ворота, которые обычно затворялись на ночь, должны были держать открытыми двое суток, а некоторые праздничные действа были вынесены за пределы замка. Праздник, начинающийся с приезда гостей и подношения даров, в первые день должен был быть продолжен официальным обедом, после которого король по традиции повелевал поделиться своими запасами с крестьянами и прочей челядью – и придворным надлежало отправиться на подводах в деревни, щедро раздавая монарший хлеб. На второй день была задумана охота на оленей, а вечером пир во славу Его Величества Этура Валентайла.

Те, кто хорошо знал короля, недоумевали: сир Этур всегда отличался довольно жестким и даже в какой -то мере нелюдимым нравом, и, пожалуй, подобного праздника он него никто не ожидал. А, между тем, король решился устроить его не для собственного удовольствия и даже не для удовольствия других – у сира Этура была вполне определенная цель. Он смотрел на подрастающую дочь, на сыновей северных лордов и размышлял, какой союз был бы наиболее выгоден для Северной Амберии.

Астория знала, что не красавица, с тех самых ранних пор, как выросла настолько, чтобы доставать до зеркала. Большое зеркало – чей-то подарок, очень редкий и потому дорогой – висело в одной из комнат наверху, и Астория порой заглядывала туда, чтобы посмотреть на свое отражение. Ничего особенного: немного острый лисий подбородок, небольшие бледно-голубые глаза да волосы совершенно невыразительного цвета, где-то между черным и каштановым. Нежарким и коротким северным летом лицо ее усыпали веснушки, и няня всё твердила, что с ними нужно бороться, но Астории они даже нравились: казалось, они делали ее лицо чуть более выразительным.

Да, Астория определённо знала, что не красавица, но все равно ей больно было в первый раз услышать от своего старшего брата, что она «страшилка». «Посмотри на себя! – кричал Ренард, закатываясь от приступа смеха, когда однажды нашел ее примеряющей сделанные няней бусы. – Сама страшилка, лицо как поганка, а туда же! Думаешь, тебя эта побрякушка красивее сделает?» Не то что бы Ренард был для Астории авторитетом, но все равно стало обидно до слез. Это были первые и последние ее слезы по поводу своей внешности – так она решила в тот миг и на всю жизнь. Возможно, Ренард был не совсем прав, возможно, было в ней что-то привлекательное…будь жива их мать, Астория непременно бы спросила у нее. Но матери не было, она умерла, когда Астории было совсем мало лет для того, чтобы хорошо запомнить родительницу. Конечно, она спросила у няни, но няня всегда называла ее «лапочкой», так что даже своим детским умом Астория понимала: едва ли тут можно рассчитывать на беспристрастность суждения. Отца же она видела так редко, что откровенно побаивалась. Даррелл учился где-то воинскому искусству. Аэлреда она едва помнила – самого старшего из

ее братьев отослали из дома давным-давно, потому что у него не ходили ноги и ему нужно было особое лечение. Так, Астория рано поняла, что может рассчитывать только на себя.

Она и жила сама по себе, занимаясь девичьими делами и больше стараясь не задумываться о красоте собственного лица. Так продолжалось до тех пор, пока ей не исполнилось восемнадцать, и она не встретила Гидеона Ганна.

Астория восприняла весть о грядущем празднике не с восторгом, но с достаточным интересом. Ей, никогда не выезжавшей дальше деревушек у Нордтэка, было любопытно посмотреть на тех северных лордов, которых созвал к ним отец. Конечно, она слышала прежде и о богатстве Ганнесбурга, и о мрачной красоте Каменной Гряды – но совершенно не имела понятия об их владельцах.

Утром, помогая ей одеваться, служанки шептались о том, что Ганны уже прибыли в Нордтэк, а Далластеров ждут не позднее полудня: дорога с самого севера труднее и занимает больше времени. Севером Астория считала свой дом, и то, что кто-то может жить еще дальше, в самих горах, удивляло ее. Она с большей охотой всегда слушала рассказы о южных землях, ей хотелось бы побывать в Эмбере, посмотреть, так ли великолепен Чертог, как его описывают путешественники, так ли богата плодами и ягодами та земля, хотелось своими глазами увидеть Мертвые земли, а потом, возможно, отправиться к Срединному морю. Но Астория знала, что даже ее отец, сам король Этур, никогда не бывал на юге, так что и для нее это оставалось весьма сомнительной перспективой.

После завтрака она решила воспользоваться возможностью выйти за пределы замка и, взяв с собою одну из служанок, отправилась в деревню.

Крестьяне ей не нравились. Асторию оскорблял сам вид их простоватых лиц и убогой одежды, маленьких некрасивых домов, грубых манер и постоянно угрюмого выражения. Бывая за стенами замка, она всегда старалась как можно скорее миновать селения, выбравшись к реке – там с берега открывался неплохой вид, и можно было легко найти удобное ровное место для прогулок.

Лето уже давно вступило в свои права, и появились первые северные ягоды – конечно, их нельзя было назвать изысканным лакомством, но Астория любила этот горьковато-кислый вкус.

– Пойди набери мне немного, – велела она служанке, а сама начала осторожно спускаться к воде.

Астория вышла на самый берег, щурясь от ярких лучей солнца, бликами играющих на воде, и не спеша двинулась к каменистой косе, наслаждаясь приятной погодой и собственным хорошим настроением – и то, и другое случалось не так часто.

Она шла и думала, такие ли реки на юге – бурные, с каменным дном и холодной, почти ледяной водой даже в разгар лета – или они более благосклонны к человеку, как вся южная природа. Астория подошла к воде, наклонилась и опустила ладонь в быстрый поток. Через минуту кончики пальцев начало покалывать – она вынула руку, отряхивая капли и подставляя ее солнцу. Нет, искупаться в такой воде было бы чистым безумием.

Но кого-то холод не остановил – Астория с удивлением услышала плеск и громкое фырканье совсем недалеко. Повинуясь любопытству, она обогнула пышный куст и вышла на косу. Там, где за мелководьем сразу начиналась глубина, кто-то купался, шумно плескаясь, борясь с течением и, судя по звукам, приходя от этого в совершенный восторг.

– Кто-то из деревенских, – пробормотала Астория и тут же поняла свою ошибку: на берегу прямо перед ней лежала одежда купальщика.

Ни один из деревенских жителей не мог бы носить такой дорогой плащ и сапоги из оленьей кожи.

Тем временем таинственный купальщик, с какой-то бесшабашной радостью плескавшийся в ледяной воде, наконец вынырнул и встал, нащупав ногами дно. Вода в том месте дохо-

дила ему до груди, и Астория как зачарованная уставилась на неизвестного. Это был незнакомый юноша немногим старше ее. Длинные волосы его, намокшие от воды, облепили лицо, и он, фыркнув, ладонями откинул их назад. Астория невольно ахнула; никогда прежде Астория не видела столь совершенно красоты: столь высокого чистого лба и правильного носа, столь чувственных губ и мужественного подбородка. Но тут купальщик немного повернул голову – и взгляды их встретились.

Астория затаилась, совершенно не зная, что ей делать. Прятаться было поздно – она уже выдала свое присутствие, и незнакомец ее заметил.

Она подумала, что, возможно, смутила его, и смутилась сама. Однако юноша вдруг широко улыбнулся ей и кивнул, словно приветствуя. Астория в замешательстве кивнула в ответ и, резко развернувшись, побежала вверх по склону, на опушку леса. Вслед ей донесся беззаботный и совершенно счастливый мужской смех.

Конечно же, таинственный купальщик должен был быть на приеме у ее отца – Астория была убеждена, что это кто-то из приглашенных. Сама мысль о том, будто кто-то из благородной семьи мог так бездумно и бесстрашно плескаться в реке, что протекает в чужих владениях, поражала Асторию, но она понимала, что речь идет о мужчине – а мужчинам, в отличие от женщин, позволено почти всё. Особенно на севере.

И сейчас, сидя в Большом зале около откровенно скучающего Ренарда, Астория старалась напустить на себя безмятежный вид, чтобы сохранить лицо, если в следующий миг сюда войдет ее утренний незнакомец. Мысленно она уже окрестила его «своим» и хотела лишь одного – убедиться, что при слепящем солнце его удивительная красота ей не пригрезилась.

Но первым объявили Далластеров.

Старый лорд, большой и какой-то кряжистый, будто столетнее дерево, вошел в зал неторопливо, глядя себе под ноги, словно рассматривая диковинный голубой камень, из которого был выложен пол. Он был так широк и массивен, что Астория не сразу разглядела за ним человека помоложе, вероятно, младшего Далластера.

Хозяин Каменной Гряды остановился перед королем и поклонился.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.